Кустова Е. В.
Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ),
г. Киров

Духовное завещание преподобного Трифона Вятского

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Кировской области научного проекта №14-11-43003.

Вятский (Хлыновский) Успенский Трифонов монастырь, основанный в 1580 г. преп. Трифоном Вятским (в миру – Трофимом Подвизаевым) (ок. 1546–1612) стал первой обителью Вятского края. Преподобный не только сумел за 20 лет построить монастырские постройки, в том числе 4 храма, получить от царей богатые земельные владения, собрать братию, но и дал монастырю духовное основание. Для этого необходим был устав (на церковном языке «Типикон») – свод основных правил монастырской жизни. В то время существовали три основных типа монастырей – общежительные (киновии), особножительные (идиорритмы) и полное уединение – отшельничество (пустыни), уставы которых отличались по своей строгости и числу живущих.

Как видно из монастырской описи 1601 г., у преп. Трифона были уставы разных монастырей [1, с. 10–11], которые он познал не только по книгам, но и на собственном опыте. Для первой вятской обители он избрал общежительный устав, который лучше позволял наблюдать за духовной жизнью монахов. К тому же особные монастыри и пустыни не предполагали многочисленной братии, в чем на Вятке была большая потребность.

Будучи аскетом и зная слабые стороны городского общежительного монастыря, преп. Трифон решил ввести достаточно строгий устав. Любой общежительный устав предполагал исполнение ряда обязательных правил. В частности, он запрещал монахам есть в своих кельях или хранить у себя продукты. Вся братия, включая настоятеля, должна была питаться в трапезной, получая одинаковую пищу [5, с. 227]. При общежительном уставе ни у кого из иноков не было личного имущества, монастырь должен был обеспечивать их не только пищей, но и одеждой. Монастырские послушания распределялись настоятелем, без его разрешения или благословения ни один монах ничего не предпринимал. Новоначальные иноки отдавались в послушание опытным монахам-старцам и во всем исполняли их волю. Пожилые монахи образовывали собор старцев, который вместе с настоятелем управлял обителью [6].

Преп. Трифон попытался создать в соответствии с этими правилами монастырь с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с распределением монастырских работ между всей братией. С самого начала настоятелем была введена, согласно общежительскому уставу, общая трапеза, запрещались хождение по гостям, на пиры, прием гостей у себя в кельях, хранение и употребление хмельных напитков [1, с. 20; 4, с. 35].

Но строгость преп. Трифона как настоятеля сочеталась с его любовью и попечением об иноках. Преподобный стал для братии заботливым отцом: он хлопотал не только о земельных пожертвованиях и пропитании монахов, но и об

их душе, помня, что кому много дается, с того многое спросится. Немало времени он проводил в духовных беседах, поучая иноков идти скорбным и тесным путем спасения, неленостно исполнять монашеские обеты, совершать духовные подвиги, чтобы получить в будущем воздаяние и соединиться со Христом. Наставлял их в смирении, любви, послушании, нестяжании и иных добродетелях. Много говорил об опасности мирских искушений и плотских страстей. Особенно это касалось винопития, которое являлось для того времени особенно острой проблемой. Вид нетрезвого священника в храме, а тем более монаха, оскорблял религиозные чувства верующих и уничтожал благоговейное отношение к службе.

Преп. Трифон поучал не только словами, но и личным примером: в труде, в аскетических подвигах, в нестяжании [1, с. 15–17; 2, с. 60].

Строгие правила, введенные преподобным, привели к его изгнанию на несколько лет из монастыря. Вернувшись в обитель перед самой смертью, он постарался дать последние наставления братии. Писанного устава монастыря, он, по-видимому, так и не создал. В то же время, до наших дней сохранился текст его духовного завещания, в котором святой постарался дать главные основания жизни монашествующим своей обители. Возможно, он полагал, что живое слово основателя монастыря будет действовать сильнее, чем формальные правила устава.

Завещание дает нам возможность услышать речь преподобного, которую слышали его современники 400 лет назад. В нем он собирает весь духовный опыт своей многотрудной жизни. Он пишет его с чувством глубокого смирения: «Собранное о Христе стадо, отцы и братья! Вам убо сие писах, мене грешнаго послушайте. Аще есмь и груб и хуждши всех человек, но Бог и Его Богомати, пречистая Богородица благоволи владети мне худому своим домом».

Сказав о трудах по созданию обители, он обращается к братии с тем, что считал главным в монашеской жизни. Превыше всех добродетелей он называет ***любовь***, которая способна победить все – ненависть, раздоры и распри: «И аз вас молю: Бога ради и пречистые ради Богородицы, между собой духовную любовь имейте; без нея убо никоторая добродетель не совершенна есть пред Богом. И самая убо Христова уста реша учеником своим: «да любите друг друга». И «о семь разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою». По апостолу Павлу «друг друга тяготы носите», и друг друга не осуждайте пред Господем Богом в церкви или в келлии, и наедине или вкупе с братиею». Именно любовь, по его словам, есть главное условие благополучия монастыря – как духовного, так и материального: «И аще любовь станете имети меж собою, не имать оскудети дом пречистыя Богородицы во веки».

Вторым основанием монашеской жизни он называет ***молитву*** – общение с Богом, ради которого они покинули суетный мир. И среди молитв он особо выделяет соборную молитву в храме, которую он ставит превыше любого дела: «Келейныя молитвы своя со страхом совершайте, а церковное пение не мозите прогулять. Аще грешным делом келейное правило презритца, данное вам от старца или от духовнаго отца, а соборное пение отнюдь не мозите прогулять. Аще кое и дело есть, бежи в церковь Божию на пение духовное. И воздавайте

убо первие Божие Богови, такожде потом прочая дела совершайте и друг друга честию болша себе творите».

Третье правило для монаха – это ***послушание*** старшим и настоятелю, которое равносильно послушанию самому Богу: «Да благославляю аз, многогрешный Трифон архимандрит, вместо себя в дому пречистей Богородицы ученика своего келейнаго, старца Иону (Мамина). И вы, отцы и братия, во всем повинуйтеся и слушайте его во всем. И которых он в службу поищет монастырскую, и вы Бога ради без роптания службу свою храните».

И в заключение он заповедал ***хранить монастырское имущество***, собранное многими пожертвованиями и пожалованиями, от расхищения: «Монастырское берегите. За монастырь без настоятелева благословения не давайте, и не дружитеся монастырским добром ни с кем; ни роду своему без благословения настоятелева не давайте ничего монастырскаго. А себе в собину (собственность – Авт.) казеннаго без благословения настоятелева ничего не емлите ни от денежнаго, ни от хатянаго (домашнего – Авт.) и ни иного чего» [3, с. 121–122].

Помимо этого, в своих последних беседах он учил братию на примерах Священного писания о спасении души, богоугодной жизни, душевной и телесной чистоте, нелицемерной любви, посте и молитве, смирении как украшении каждого монаха, о служении в храме, которое следует совершать ревностно и со страхом Божиим.

Особое слово он пишет своему бывшему ученику, изгнавшему его из монастыря, архимандриту Ионе (Мамину), от которого после его смерти всецело зависела жизнь основанной им обители. С одной стороны, он благословляет его настоятельство в монастыре, а братии завещает иметь к нему полное послушание и ничего не делать без его благословения. Он сам называет его братом и господином, одновременно говоря с ним как с равным, и как с высшим. Однако в завещании он говорит самому Ионе, что не видит человека, которому мог бы доверить монастырь: «А дому пречистыя Богородицы не обретаю такова брата, кому по моем животе (смерти – Авт.) владети домом владычицы нашей Богородицы, разве она сама снабдевает свой дом милостию своею».

Признавая образованность Ионы, он указывает на то, что его ум должен служить для спасения души и на благо всей братии: «Вем тя, чадо, книжному писанию разумна. Ты же пребывай, в них же научен еси… яко измлада священная писания умееши, могуще тя умудрити во спасение верою» [3, с. 114, 115, 117].

Он просит его радеть за обитель, иноков, монастырские вотчины. В отношениях с братией быть любящим отцом, который помогает во всем, но для вразумления может и наказать: «Да молю тебе: Бога ради ко братии сам любовь имей и тяготу их понеси. Писано бо есть: «Вы сильные немощи немощных носите». А безчиния не было бы. По апостолу: «Настой, обличи, запрети благовременно, да и прочие согрешающии и безчинствующии накажутся».

Преп. Трифон очень опасался, что Иона вернется к старым привычкам, и, нарушив устав, снова ниспровергнет монашеские обеты. Поэтому он буквально

взывал к нему: «Да молю тебе: Бога ради хмельного пития не вводи у пречистые Богородицы в дому. Как при моем животе (жизни) не бывало хмельнаго пития и столов (обедов, трапезы) в келиях, такожде бы и по моем животе хмельнаго питья не было бы и столов в келлиях. Первое у тебе самого чтоб отнюдь, про себе и для гостей, столов не было бы в келлиях; такожде и у братии».

И в беседе с ним он вновь говорил о том, что настоятель должен быть образцом для братии и не поддаваться своим похотям и страстям: «Чадо, вслед похотей своих не иди, ниже веселися сластолюбными и многоразличными пищами. Чадо, согрешил ли еси, не приложи к тому и о предних помолися. Бежи от греха, яко от лица змиина, аще бо приступиши, угрызнет тя».

Хоть Трифон всегда стремился к аскетизму, он понимал, что этот путь не для всех: каждый должен нести подвиг по силам. Поэтому он просил Иону, чтобы братия жила в достатке: «А братии на трапезе ести довольно б было и квас добр бы был братии. Утешай Бога ради братию, чтобы трапезою не скудны были».

Считая себя грешным и убогим, он призывает Иону следовать примеру столпов монашества: «Да ревнуй Бога ради святым отцем, како от них узаконено быти, и предано во святых монастырех и лаврах, сиречь от святаго Евфимия Великого и Саввы Освященнаго и Феодосия Киновиарха». Также он ставит в пример основателей русских монастырей – Феодосия Киево-Печерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, Зосиму и Савватия Соловецких, иконы которых были в монастырских храмах.

Для себя же он просит лишь одного – молитв: «Бога ради, по моем животе мене грешнаго не забудите, но поминание творите в литиях и в панихидах больших и менших. Поминайте всегда, и сами от Бога помяновени будете» [3, с. 114, 122–124].

Своим завещанием преподобный дал монастырю духовную основу, показав для будущих поколений монахов возможную высоту духовного подвига.

Однако для иноков, живших тогда в обители, он оставил нечто большее, чем просто завещание. Преподобный стал для них живым примером жизни во Христе, беспримерной любви к Богу и людям – не из древних житий и патериков, а явленным в их личной жизни.

К сожалению, многое не исполнялось из завещания преподобного. Небрежное отношение к нему выразилось и в том, что на несколько десятилетий оно исчезло из обители. Но всегда среди монастырской братии были те, кто в полной мере воспринял его заветы. Лучшие из его учеников стали впоследствии основателями и строителями новых монастырей, продолжив дело распространения монашества на Вятской земле.

Литература

1. Вятский Успенский монастырь при преподобном Трифоне (По подлинному документу 1601 г.). С предисл. А. С. Верещагина. – Вятка, 1902.

2. Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580–1764 гг. / Собр. А. С. Верещагин // ТВУАК. – 1906. – Вып. 1–2. – Отд. 2. – С. 1–178; Вып. 3–4. – Отд. 2. – С. 179–346, вып. 5–6. – С. 347–530.
3. Житие преподобнаго отца нашего Трифона архимандрита, Вятскаго чудотворца // Подготовка текста и предисловие П. Д. Шестакова. – Казань, 1868.
4. Низов В. В. К вопросу о монастырском строительстве на Вятке в XV – середине XVI в. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Мат-лы 4-й научно-практической конференции. – Киров, 1999. – С. 35.
5. Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. – М., 2002. – С. 227.
6. Смолич И. К. Русское Монашество. Возникновение. Развитие. Сущность. (988–1917). – М., 1997. URL: http://www.krotov.info/history/11/smo/lich_02.htm (дата обращения 7.08.2008).